

А.С. КАРГИН
(Москва)

НА ПЕРЕПУТЬЕ ВРЕМЕН

*К десятилетию
Центра русского фольклора*

Начиная с середины 1980-х годов, в духовной жизни СССР и России происходили тектонические сдвиги, связанные с возрождением и самоопределением национальных культур. После длительного забвения в общественном сознании народов Советского Союза вновь стала важной идея национально-культурной самоидентификации. Искусство и культура, и в первую очередь народная культура, стали той сферой, в которой особенно ярко проявлялись новые приметы национального возрождения. В России вновь стала актуальной «русская идея», причем на ее новом понимании сказывалась острота национально-культурных и этно-культурных проблем. В общественном сознании укреплялась мысль о необходимости принятия специальных мер по предотвращению окончательного распада и разрушения русской нации, поддержанию русской культуры¹. Этот процесс нашел отражение не только в официальных документах и публикациях, но и в создании первых национально-культурных образований в России и в республиках бывшего СССР².

Одной из таких акций стало принятие ЦК КПСС, Советом министров СССР и рядом других союзных структур в конце 1970-х годов нескольких постановлений по развитию народного творчества, культурно-досуговой деятельности, поддержке промыслов и ремесел. В соответствии с этими постановлениями был создан Всесоюзный дом народного творчества, вскоре переименованный во Всесоюзный научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительской работы (1979), затем по аналогии — республиканские, краевые и областные центры. СССР становится членом СИОФФ (Международного комитета организаторов фольклорных фестивалей), «Инсита» (Международной организации художников-любителей), ИОФ (Международной организации фольклористов). При министерствах и управлениях культу-

ры организованы союзные, республиканские, краевые и областные репертуарно-методические коллегии, обеспечивающие репертуаром учреждения культуры и любительские коллективы. Интенсивнее ведется подготовка руководителей самодеятельности в вузах культуры. Большой размах приобретают фестивали народного творчества и художественной самодеятельности, итогом которых становятся Всесоюзные концерты и смотры (1980, 1982, 1985 и др.), а затем и Первый международный фестиваль фольклора (1988). Но все это осуществлялось в рамках идеологически жесткой вертикально-иерархической модели, в которой господствовала унифицированная схема народной культуры. Она мыслилась в виде организованной художественной самодеятельности, которая не могла не вступать в конфликт с традиционными формами культуры.

В то же время в результате дискриминационной политики ЦК КПСС в российской культуре сложилась и существовала до конца 80-х годов специфическая ситуация: основные системообразующие научные (ВНИИ искусствознания, Институт славяноведения и балканистики, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая и др.), музейные (Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея и др.), библиотечные (Государственная библиотека им. В.И. Ленина, Театральная библиотека, Библиотека иностранной литературы и др.), вузовские (Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, ГИТИС, ВГИК, Академия живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина и др.) учреждения и организации, находящиеся на территории России, относились либо к системе Министерства культуры СССР, либо Академии наук СССР, либо к другим союзным ведомствам. Эти структуры выполняли социальный заказ и занимались проблемами культуры и искусства всех республик, хотя в действительности больше внимания уделяли вопросам русской культуры, ее традиционного слоя.

Обращаясь к исследованию национальных культур, русскоязычная наука при их изучении также использовала чуждый понятийный и терминологический аппарат, что приводило к созданию неверного представления о них³. Но это затрагивало не только данный аспект отношений

национально-этнических культур. В самой России русская традиционная культура оказалась на периферии общественного и научного сознания, а ее проблемы — размытыми (что касалось прежде всего характера ее бытования, исследования, сбора, хранения, систематизации, взаимоотношения с другими культурными образованиями). Небольшие подразделения в вузах, музеях республиканского и российского подчинения (лаборатория фольклора в ГМПИ им. Гнесиных, сектор фольклора в научном отделе при ЛГИТМИКе и др.) не могли существенно повлиять на положение дел, хотя их вклад в развитие фольклористики нельзя недооценивать.

Развертывание «перестройки» с середины 80-х годов не принесло реального улучшения в решение всего спектра национальных проблем, в том числе и в области культуры (это, в частности, явилось одной из предпосылок дискредитации идеи перестройки и последующего развала СССР по границам его национальных образований).

Но дело не только в этом⁴. Состояние традиционной культуры после трагических перипетий, происшедших с русским этносом в XX в. (разрушение этнического самосознания, традиционных ценностей, основ народной жизни и быта), вызывало серьезные опасения. Было очевидно, что многие районы России — Север, Северо-Запад, Поволжье, Центральные области — утрачивают богатейшие фольклорные традиции. В 1989 г. Л.М. Ивлева писала: «Необходимо со всей ответственностью перед будущим осознать, что на наших глазах, на нашей памяти завершится (а по отношению к некоторым явлениям уже завершился) период так называемого классического существования фольклора, что происходит необратимое и стремительное затухание жизни фольклора в ее первичных формах, функциях и связях»⁵. Эта мысль звучала и в работах других фольклористов того времени.

Одновременно в российской фольклористике накопились нерешенные внутренние проблемы. К ним можно отнести отсутствие элементарной технической оснащенности, плохое хранение фондов, оторванность от мировых научных школ, подавление оригинальных авторских концепций и исследований, слабое взаимодействие центральных и региональных научных центров и т.д.⁶

Таким образом, сложившиеся в России во второй половине 80-х годов идеологические, политические, национально-этнические и культурные условия явились объективной предпосылкой для постановки и решения вопроса о создании специализированного системообразующего фольклористического научного учреждения республиканского подчинения. В дискуссиях, которые велись в то время, были озвучены идеи о создании Института русского фольклора (В.Е. Гусев), Центра традиционной

культуры (В.Г. Захарченко)⁷. Записка, направленная Д.С. Лихачевым в ЦК КПСС после встречи с министром культуры РСФСР Ю.С. Мелентьевым осенью 1987 г., положила начало работе. В декабре того же года Совет министров РСФСР поручил Министерству культуры «решить вопрос о создании республиканского государственного центра сбора, хранения, изучения и пропаганды фольклора русского и других народов России»⁸. Но обозначенная идея приняла расплывчатую формулировку, что еще раз подтверждает мысль о конъюнктурном отношении союзных политических и государственных структур к вопросам русской культуры.

В документе, принятом Советом Министров РСФСР, шла речь о создании полинационального центра, хотя и был сделан акцент на необходимости изучения русского фольклора. Предложенная формулировка была ориентирована на практическую реализацию идеи центра, способного по образу и подобию уже действующих союзных и российских НИИ, научно-методических центров народного творчества и культурно-просветительной работы решать проблемы культур всех народов СССР или России. При этом речь шла о традиционной культуре — явлении уникальном и самобытном. Однако по объективным причинам Центр не мог включать в сферу своих интересов традиционную культуру всех народов России. Организация такого Центра была заведомо политизирована и малопродуктивна. Правда, возможен был и другой путь: для каждой национально-этнической культуры создавать свой центр, следуя букве и духу документа. При таком варианте требовалось создать более сотни федеральных или республиканских центров (для каждой титульной национальности России). Естественно, закономерным становился вопрос о месте их создания: им должна была стать или Москва как столица Российского государства, или столицы союзных республик, краев и областей, входящих в состав РСФСР. Неясным было и то, каким по направленности должен быть Центр — научным, научно-методическим и т.п. Каждый из них имел право на существование.

По этому поводу высказывались разные, порой противоречивые суждения. К примеру, возглавлявший в то время лабораторию русского фольклора в НИИ культуры А.А. Банин излагал свое понимание поручения следующим образом: «в приведенной формулировке (в поручении Совета министров РСФСР. — А.К.) имеется в виду, на наш взгляд, не один, а множество центров, ибо невозможно представить себе один единственный центр, сосредоточивший в себе сразу все многообразие традиционных фольклорных культур многочисленных народов и народностей, проживающих на территории РСФСР. Речь идет, несомненно, о многих национальных цент-

рах фольклора, по крайней мере тех народов, территории которых имеют статус автономных республик, но, безусловно, и не только их»⁹.

Однако эта трактовка поручения выдавала желаемое за действительное, противоречила заложенному в него смыслу, хотя и справедливо определяла сложности с созданием многонационального Центра. Двойственность, заложенная в поручении, делала практически нереализуемой идею Центра русского фольклора.

Специально созданная научная группа под руководством заместителя директора НИИ культуры А.С. Каргина приступила к разработке концепции Центра, учитывая весь спектр изложенных проблем, в том числе научного характера. В частности, была тщательно проанализирована ситуация в фольклористике: выявлены ее болевые точки, нерешенные проблемы, в том числе организационного, технического и материального характера. Было очевидным, что фольклористика стоит на пороге принципиальных методологических прорывов. Она не сможет сохраняться лишь как фактологическая, описательная наука, констатирующая смысл конкретных явлений и процессов, какой она была на протяжении полутора веков своей истории, потому что ее сила становится слабостью, как только от нее требуют не свода текстов или фактов, не набора бесконечного чередования их вариантов, а осмысления законов и проблем их функционирования, зарождения и угасания, соответствия (или противоречия) национальным традициям. Тем более проблематичны вопросы о прогнозировании фольклорных процессов в связи с глобальными преобразованиями, постоянно имеющими место в мировой истории. А без этого фольклористика остается наукой «для себя», представляя интерес лишь для узкого круга специалистов. Многие фольклористы считали данную ситуацию нормальной, отвечающей их представлениям о роли и значении науки. Участники рабочей группы были едины во мнении: наука должна скреплять, пронизывать, выверять все, что предпринимается сегодня в сфере традиционной культуры, прогнозировать ее процессы. Это было еще одно важнейшее и принципиальное условие при создании Центра. Без глубокого, всестороннего научного обоснования невозможно сохранение, поддержка, а во многих составляющих и возрождение лучших образцов традиционной культуры.

В связи с этим была поставлена практическая цель — создать Центр, деятельность которого способствовала бы решению нескольких задач. Первая и главная из них — сохранение традиционной культуры на правах одной из определяющих констант национальной культуры. С уходом носителей традиционного фольклора восстановить утраченные механизмы и способы передачи традиционной культуры есте-

ственным путем невозможно. Нельзя и выработать систему мер для того, чтобы искусственно оградить традицию от трансформации, не принимая специальные законы и постановления, не вовлекая всех в фольклорные (опять же искусственно созданные) структуры. В начале 90-х годов ведущие специалисты объективно оценили состояние фольклорной традиции и произошедшие в ней процессы. Архаический фольклор на глазах стремительно уходил в прошлое вместе с последним поколением его носителей. Традиционные формы фольклора нередко представляли искусственно созданные фольклорные структуры — прежде всего фольклорные ансамбли, что противоречило самой сути фольклорного процесса. Центр призван был формировать в общественном сознании и поддерживать на государственном уровне взгляд на традиционную культуру как на объективный и важнейший компонент национальной жизни, фактор национальной самоидентификации.

Вторая — создать российское учреждение, которое недвусмысленно заявило бы о своих научных приоритетах. Российские государственные и общественные структуры, в первую очередь Министерство культуры, творческие союзы, вузы видели в создании Центра один из реальных путей защиты их научных интересов, повышения их авторитета и возможности влияния на союзные образования.

Третья задача Центра — конкретная разработка научных методик и технологий возрождения традиционных ценностей.

Наконец, Центр должен был выступить объединительной, консолидирующей усилия специалистов организацией, скоординировать (хотя бы на информационном уровне) исследовательские программы различных научных учреждений.

В начале 1990-х годов стало ясно, что к традиционной культуре обратятся в той или иной форме научные, вузовские, музейные учреждения, в результате чего будут создаваться принципиально новые структурные образования. Данный прогноз не только подтвердился, но и поразил разнообразием форм этих образований. Сегодня только на федеральном уровне действуют десятки научных фольклористических подразделений в НИИ, вузах, музеях, домах и центрах творчества. Еще больше их в регионах: школы, ансамбли, центры, студии, мастерские и т.д.

Поэтому Центр не мог быть исключительно научным учреждением. И название «Центр», а не институт (как предлагал, например, профессор В.Е. Гусев) не было случайным. Смысл «Центра» заключался в широком, комплексном подходе к фольклору, сочетающем сбор, изучение, пропаганду, издание, популяризацию, разработку методик регенерации и технологии приобщения к традиционным ценностям. При решении этих целей роль фольклористики

как науки, ее социальная направленность виделись иначе, чем в классическом, привычном понимании.

Цели определили и структуру Центра, в которой предполагалось иметь Институт русского фольклора, школу с фольклорным уклоном, музей, фондохранилище, издательство, научный журнал, дом творчества, концертно-выставочный зал. Новаторство в создаваемой модели Центра заключалось не только в его полифункциональности и многопрофильности. Предполагался принципиально новый подход к организации и проведению научно-исследовательской деятельности. В структуре Центра планировалось создать два крыла: научно-теоретическое — в Москве и научно-практическое — в г. Александрове Владимирской обл. В д. Слобода, некогда вотчине Ивана Грозного, предполагалось построить специальный фольклорно-этнографический городок, включающий научные лаборатории, экспедиционную и транспортную базы, дом творчества для сотрудников. Это, по мнению авторов проекта, позволило бы создать условия для поддержания фольклористики, открывало возможность для благоприятного изучения русской традиционной культуры.

Подготовленная концепция была поддержана руководством МК России, АН СССР, а затем и большинством заинтересованных республиканских организаций и ведомств. Материалы по Центру были опубликованы и многократно обсуждены в специальной и массовой печати¹⁰; согласованы десятки официальных документов. Существенную поддержку оказала Академия наук СССР, на которую, согласно постановлению правительства РФ, была возложена задача методической помощи Центру (забегая вперед, отметим, что впоследствии РАН, являясь преемницей АН СССР, заняла более отстраненную позицию по вопросу деятельности и помощи Центру).

Нельзя сказать, что идея Центра, а затем и практическая деятельность по ее реализации принимались с одобрением всеми без исключения специалистами и официальными лицами. Было и прямое противодействие развертыванию его структур. К сожалению, скоро стало ясно, что не удастся воплотить в жизнь научно-практическое, творческое и лабораторно-методическое «крыло» Центра по причине, прежде всего, негативного отношения к его созданию дирекции Александровского историко-архитектурного музея¹¹. Новизна модели Центра, а также масштабность задуманного не могли не насторожить и некоторых фольклористов. Причины настороженности были разные. Появились публикации, авторы которых, не всегда верно истолковывая факты, скептически оценивали перспективы Центра. В частности, «Российская музыкальная газета» во втором номере за 1989 г. опубликовала статью — «Нужен ли нам такой Центр?» Аргументы против его

создания были весьма характерны (остро не хватает специалистов, нет материальных условий для полномасштабной работы; не ясно, какова будет научная политика Центра, не попытается ли он подчинить себе другие структуры, кто будет руководить Центром и т.д.). Конструктивных, масштабных идей о действительном изменении к лучшему положения с изучением, сохранением, сбором фольклора, внедрением новых технологий и т.п., координацией и взаимодействием фольклорных структур не предлагалось.

Кстати, в упомянутой работе Л. Ивлевой объективно оценивается неудовлетворительное положение с изучением традиционной культуры. Решение проблем автор связывает с этими же, по существу, частными вопросами (создание кино- и фильмофонда, поддержка изданий, приобретение новой техники, видео- и кинофильмов и т.п.). Но решить их в полном объеме было невозможно по причине отсутствия государственной поддержки отрасли. Интересы фольклористики перед государственными, общественными и научно-методическими структурами способно представлять только системообразующее учреждение.

Не было единой позиции по отношению к Центру и в руководстве Министерства, и в его структурных подразделениях, курирующих вопросы науки и народного творчества¹².

В период проработки вопросов создания Центра процессы распада СССР (1987—1990 гг.) еще не были реальностью. В данной ситуации русская проблематика выглядела иначе, нежели спустя два-три года. Формирование Центра происходило в период бурных, порой трагических событий (разрушение государственных структур, штурм Белого дома и т.д.) в жизни России (1991—1994 гг.). Одним словом, в процессе формирования Центра ситуация постоянно менялась. Все это не могло не влиять на сроки, характер, стратегию и тактику развертывания структур Центра. Многое из того, что ранее могло быть решено в рамках действующих законов в течение нескольких дней или недель, в сложившейся ситуации требовало долгой организаторской работы или вообще не поддавалось решению¹³.

По истечении почти десяти лет истории Центра можно сказать, что это были годы его становления. Центр оказался в русле наиболее крупных событий в российской фольклористике, которая постепенно из науки об устно-поэтическом творчестве превратилась в науку обо всей традиционной культуре. Отражением этой тенденции стало постепенное расширение тематики исследований Центра. От первоначальных занятий лишь музыкальным фольклором, сбором его текстов пройден сложный путь к осмыслению различных явлений традиционной культуры в целом — игр, праздников, обрядов, ремесел и промыслов.

Вместе с тем за прошедшие десять лет не удалось сделать видимых прорывов в решении ряда важных проблем, которые были обозначены еще при создании Центра. По-прежнему приходится решать проблему подготовки специалистов по различным отраслям традиционной культуры. Объем их профессиональных навыков не удовлетворяет существующие потребности. Пока решение данного вопроса пошло по пути «простого воспроизводства»: каждый вуз и НИИ стали готовить для себя фольклористов. Видимо, Центр также пойдет по пути подготовки собственных научных кадров.

Немало вопросов остается в области координации фольклористических исследований. Существует два противоположных мнения: координация возможна (важно определить, в каких формах ее осуществлять) и координация противоречит духу и сути развития науки (поэтому и ставить вопросы о ней нецелесообразно). По нашему мнению, координация научных исследований даже на информационно-описательном уровне дает огромный выигрыш во времени, экономии средств и сил, открывает поиск по наиболее перспективным темам и проблемам фольклористики.

Возвращаясь спустя десять лет к тем основополагающим идеям, которые легли в основу Центра, со всей очевидностью осознаешь их перспективность, созвучие не только времени его создания, но и дню сегодняшнему. Многие обозначенные в начале 90-х годов проблемы остаются актуальными, многие получили другое прочтение. Некоторые идеи не выдержали испытания временем, оказались малопродуктивными. В целом же деятельность Центра помогла российской фольклористике сделать важный шаг в решении задач, поставленных перед ней переломной эпохой.

Примечания

¹ Попов Г.Х. Берегите русских. Разговоры о россиянах — попытка уйти от решения проблемы // Независимая газета. 5 апреля 2000 г.; О русском факторе — начистоту // Независимая газета. 11 октября 2000 г.

² Впоследствии на базе этих образований в Грузии, на Украине, в Молдавии, в республиках Прибалтики сложились крупные общественно-политические организации и движения, нередко имеющие отчетливо выраженный националистический характер.

³ А. Кунанбаева, например, отмечала, что книги, написанные по-казахски и по-русски, демонстрировали разные типы мышления и разные культуры, результатом чего стало неверное представление, созданное русской наукой о казахской культуре (Кунанбаева А. О феномене «третьей» науки // Судьба традиционной культуры. Памяти Ларисы Ивлевой. Сб. статей и материалов. СПб., 1998. С. 187—188).

⁴ И это несмотря на то, что Россия выступала экономическим, культурным, научным, сырьевым, кадровым донором для многих нероссийских регионов.

⁵ Ивлева Л.М. Письмо в Фонд культуры // Судьбы традиционной культуры. Памяти Ларисы Ивлевой. Сб. статей и материалов. СПб., 1998. С. 25—26.

⁶ Кроме того, фольклористика не ставила и не решала методические проблемы национально-этнического образования. Господствующей для всей российской внешкольной и школьной системы оставалась интернациональная идея культурного развития. К сожалению, эта концепция продолжает сохраняться вплоть до сегодняшнего дня, находя своих адептов на всех уровнях системы образования, просвещения и воспитания. В частности, в образовательные стандарты до сих пор не введены в полном объеме предметы национально-этнического характера, которые остаются уделом внешкольных учреждений и занятий дополнительного цикла (что резко контрастирует с ситуацией, сложившейся во всех бывших союзных республиках, да и во многих национальных образованиях внутри самой России).

⁷ Сохранение и возрождение фольклорных традиций. В.И. М., 1994.

⁸ Там же.

⁹ Республиканский центр русского фольклора. Материалы к обсуждению // Авт. А.А. Банин / НИИ культуры. М., 1990. С. 6.

¹⁰ См.: Советская Россия. 4 апреля 1989.

¹¹ Для создания этого крыла Центра Александровский филиал был выведен из состава Владимиро-Суздальского объединенного художественного музея и ему придан статус федерального учреждения со всеми вытекающими последствиями: большой штат сотрудников, более высокие оклады служащим, дополнительные средства на реставрацию, возвращение из Владимира ряда важных музейных экспонатов и произведений искусства. Однако руководство музея, используя церковную общественность, стало противодействовать созданию в Слободе и Александрове подразделений Центра. Ни Министерство культуры РФ, ни Александровский горисполком, также выступавший за создание Центра, ни члены инициативной группы долгое время не могли понять, почему в местной газете появляются негативные публикации, кто организует сходки горожан, запросы в горисполком и другие подобные мероприятия. Весной 1989 г. заместитель министра культуры Н.Б. Жукова вместе с членами инициативной группы несколько раз выезжала в Александров на митинги горожан и заседания Александровского горисполкома для того, чтобы дать необходимые разъяснения по планам реконструкции музея, строительства деревни, технической базы и другим вопросам. Тем не менее вновь и вновь появлялись публикации, письма с требованием не строить подразделения Центра в Александрове и Слободе. Это явилось одной из главных причин временного отказа от научно-практического крыла Центра.

¹² В частности, Управление образования и науки как бы не замечало процесса создания Центра. С другой стороны, Управление по делам клубов и народного творчества (В.И. Дейнско, Л.А. Виногоградская) создавало по очереди альтернативные Центру организации и учреждения.

¹³ Так, не решился вопрос о передаче для нужд Центра и НИИ культуры ряда пустующих зданий на Берсеневской набережной. Весьма вольно рядом московских структур трактовалось само постановление правительства Российской Федерации от 9 июня 1990 г. о создании Центра. Например, в заключении главного финансового управления Мосгорисполкома от 8 августа 1990 г. о регистрации Центра указывалось, что его создание противоречит вышеуказанному постановлению правительства Российской Федерации.